

МЕТАМЕТАФОРА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИНГВИСТОВ

В статье рассмотрены подходы филологов к трактовке понятия метаметафоры. Метаметафора изучается как в литературоведении, так и в языкознании. Результатом проведенного анализа научных работ является определение лингвистического статуса метаметафоры, которое раскрывает ее сущность и функции в художественном дискурсе.

Актуальность работы обусловлена тем, что известные в настоящее время исследования практически не касаются лингвистической природы сложной иерархической метафоры, размещенной в больших фрагментах художественного текста. Цель исследования – уточнение и обоснование понятия «метаметафора», определение ее лингвистического статуса, приемлемого для анализа художественного дискурса. Объектом данной работы являются метаметафоры в немецкоязычных художественных романах.

Метаметафора в художественном тексте значительного объема выполняет ведущую дискурсообразующую роль, поскольку создает основные концепты, художественные образы и пространственно-временные структуры, служащие сферой существования персонажей, объектов и явлений [1; 2]. Иерархическая метафора способствует созданию дискурса как целостного феномена, в котором взаимодействие всех лингвистических факторов создает новые качества и измерения.

В XX веке был сделан ряд попыток ввести понятие метаметафоры до того, как оно стало предметом систематического лингвистического исследования. Данное понятие вводилось поэтически, эмпирически, интуитивно как эквивалент понятия сложной, объемной метафоры.

Метаметафору как художественный термин в своем индивидуальном поэтическом понимании ввел Константин Кедров. Главную особенность метаметафоры он усматривал в двойной инверсии внутреннего и внешнего [3, с. 242]. В своеобразной трактовке К. Кедрова метаметафора – это метафора, в которой «каждая вещь меняет масштабы и, воплощаясь в более крупных сущностях, уподобляется Вселенной, космосу, а человек становится всевидящим» [3, с. 6].

Градация метафор по их сложности и объему, коррелирующая со сложностью художественного образа, выражает глубину художественного дискурса. В этом отношении представляет интерес научное исследование В.В. Рожкова [4], в котором изучена роль сложной составной метафоры в образовании текстовых концептов художественного произведения. Показан

процесс одновременного создания ведущих художественных образов и иерархии текстовых концептов, отражающей суть авторских интенций.

Текстообразующая и дискурсообразующая роль метафоры проявляется в ее активном участии в языковой организации, смысловом развертывании и реализации прагматического задания текста. «Исследование текстообразующей роли метафоры позволяет по-новому взглянуть на сравнительно малоизученный ее вид – развернутую метафору, а также расширить наши представления о процессах порождения и понимания текстов» [5]. Развернутая метафора – метафора, которая не ограничивается одним образом, а реализует несколько образов, связанных между собой единым, центральным, стержневым словом.

Термин «развернутая» или «расширенная» метафора упоминается в научных работах В.В. Виноградова, И.А. Гальперина, О.Г. Ревзиной, И.А. Русовой [4; 6; 7; 8]. Под развернутой метафорой понимают многочленную структуру, представляющую собой единство составных частей, каждая из которых является метафорическим образом. Развернутая метафора может реализоваться в широком контексте [6]. Метафоры, представленные на более высоком уровне, на уровне текста, называются композиционными метафорами [9, с. 85] или метаметафорами [10; 11; 12].

О.П. Воробьева понимает метаметафору как метафору о метафоре. Суть размышлений автора состоит в том, что определенной метафоре придаются еще и другие, оригинальные, авторские метафорические описания, т. е. метаметафоры, которыми поясняются и расширяются основные свойства и функции предыдущей метафоры [13, с. 76–83].

Однако объектом нашего интереса остаются текстовые метаметафоры, следовательно, такие, которые полностью размещены в художественном тексте и отображают сложный объект, образ или идею, а не надтекстовую рефлекссию по поводу первичной метафоры.

Исследователи также понимают под метаметафорами метафоры на уровне текста, охватывающие более одного предложения, семантически связанные между собой и выражающие общую мысль, сконцентрированную в метафоре. Метаметафоры способствуют созданию иерархии метафор и образов в системе. Согласно Ульрике Зальс, эта система образов становится при этом герметичной, но в то же время остается открытой [12, с. 476].

В другой работе метаметафора рассматривается как сложное когнитивное образование, выражающее глубинные связи внутри самих компонентов, которыми выступают метафоры-словосочетания и метафоры-предложения. Как когнитивное явление на уровне текста метаметафора является результатом когнитивных операций реципиента текста, направленных на восприятие, обработку и воспроизведение фигурального содержания метаметафоры сквозь призму концептуальной и художественной картины мира реципиента [14, с. 43–44].

Л.С. Пихтовникова в своей работе ставит вопрос о корректном и уточненном названии объемной метафоры, состоящей из отдельных простых метафор, т. е. своего рода надметафоры. Претендентами на корректное

название могут быть: 1) сложная метафора; 2) композиционная метафора; 3) комплексная метафора; 4) супер-метафора; 5) гипер-метафора; 6) мета-метафора [15, с. 16].

Название «композиционная метафора» было предложено И.В. Арнольд. «Как образ, так и метафора или сравнение ... возможны на разных уровнях. Особый интерес представляет композиционная метафора, т. е. метафора, реализующаяся на уровне текста» [9, с. 85]. Но это понятие И.В. Арнольд использует исключительно в рамках стилистики декодирования, не уделяя внимания системным, текстообразующим качествам над-метафоры, ее структуре.

Название «комплексная метафора» также не отображает структуру и глубину этого «комплекса». Данный термин употреблен в работе И.В. Бровченко [16]. Под комплексной метафорой (complex metaphor) понимается метафора, которая возникает в результате концептуальной интеграции примарных метафор. Название «супер-метафора» лишь отображает объект с повышенными качествами и также не сообщает о его структуре и сущности. Название «гипер-» отображает объект с экстремальными качествами; это также не подходит для исследования над-метафоры в художественных произведениях. Наконец, название «мета-метафора» содержит такой смысл, что этот объект является системой из нескольких метафор, объединенных общей целью и семантикой. Системным качеством мета-метафоры является то, что она организует все свои составляющие как целостный код иносказания для передачи определенного емкого смысла. Осознание наличия мета-метафоры в художественном тексте происходит индуктивно – путем осмысления ее составляющих и их связей. При интерпретации художественного текста возможен обратный, дедуктивный ход – от мета-метафоры в целом до понимания роли и места ее составляющих – простых метафор [15].

Н.А. Фатеева использует понятие метатропа как масштабного кода иносказания, который создан автором или заимствован из других произведений. Развернутая, или расширенная метафора – наиболее близкое понятие, выражающее тот же смысл, что и метаметафора по Н.А. Фатеевой. Однако в работах, где используется «развернутая/расширенная метафора», не дана ее конкретизация и, тем более, не показаны ее функции в художественном дискурсе.

Для наших исследований наиболее подходящим является использование понятия метаметафоры по Н.А. Фатеевой. Именно этот подход акцентирует внимание на способности сложной, протяженной метафоры создавать многомерные коды смыслов, не выразимых вербально и являющихся основой художественного выражения масштабных идей и концептов. Монография Н.А. Фатеевой посвящена проблемам интертекстуальности в художественных текстах. Однако метафора не является непременно атрибутом интертекста, так же, как и необязательно его порождает. Для нас представляет ценность анализ метаметафоры сам по себе, в связи с ее

повышенной способностью выполнять задачи концептуализации и аксиологизации объектов, введенных в художественное произведение.

Концепция метаметафоры Н.А. Фатеевой является наиболее универсальной для исследования художественного дискурса. Хотя она исходит из принципа интертекстуальности, который выступает как свойство текста ассоциироваться с другими текстами, образующими вместе некий контекст, однако, при этом вовсе не имеется в виду непременно существование претекста для истолкования метаметафоры. Интертекстуальная активность, как следует из высказываний Н. А. Фатеевой, мобилизуется только тогда, когда читатель оказывается не в состоянии разрешить языковую и дискурсивную аномалию на уровне системы метафорических и метонимических переносов языка [11, с. 57].

При интертекстуальном взаимодействии планов (т. е. пространственно-временных структур текста) происходит заимствование не отдельных элементов, а некоторого «кода иносказания», включающего в себя семантические комплексы с неоднотипной структурой. Данные комплексы названы Н.А. Фатеевой метатропами, в том числе метаметафорами. Метатропы – это стоящие за конкретными языковыми образованиями (на всех уровнях текста) глубинные функциональные зависимости, структурирующие модель мира определенного автора [11, с. 54].

С учетом концепции метатропа по Н.А. Фатеевой, в том числе метаметафоры, определение метаметафоры эксплицировано Л.С. Пихтовниковой таким образом: метаметафора является сложной иерархической структурой, кодом иносказания, который трансформирует семантику текстовых объектов, образов, концептов, составляющих представления автора и его интенции. Благодаря иерархической структуре метаметафора скрепляет собой художественный текст, создавая парадигматические связи его фрагментов. С этой точки зрения метаметафора содействует самоорганизации смыслов текста, и, таким образом, она синергетична по своей природе [15, с. 16].

В нашем исследовании мы опираемся на классификацию метаметафор, разработанную Н.А. Фатеевой [11, с. 73]:

1. Концептуальные метатропы (метаметафоры) создают из отдельных референциально-мыслительных комплексов целостную картину мира, которую описывает художественный текст. Средствами метатропов создается концепт в том смысле, в каком его понимают в когнитивной лингвистике.

2. Композиционные метатропы способствуют связности большого текста, обеспечивают его ритм и смысловое членение.

3. Операционные метатропы преобразуют смысл в вербальные структуры речи. В широком смысле, следовательно, любой троп можно назвать операционным. Однако, согласно примерам и разъяснениям в работе Н.А. Фатеевой, «операционность» метатропа, на наш взгляд, выполняет иносказательную функцию в тексте, т. е. вводит новый «иносказательный код».

4. Ситуативные метатропы выражают наложение реальности (памяти) и воображения. Эти метаметафоры передают всевозможные комбинации воспоминаний (предшествующий текст) и воображаемые ситуации.

Нами обнаружены и проанализированы метаметафоры из романов немецких и австрийских авторов. Все метаметафоры могут быть классифицированы согласно определениям Н. А. Фатеевой. При этом отдельная метаметафора может входить в несколько из названных классов.

Приведем пример концептуальной метаметафоры (согласно классификации Н.А. Фатеевой) из романа Ф. Верфеля «Verdi. Roman der Oper»:

Stammbaum – so wuchert das heraldische Wortbild weiter in meiner grübelnden Phantasie – hat seltsam verknorrte Äste über ferne Länder gestreckt. In Schottland hat er gewurzelt und überall in England geblüht; mit einem der ältesten Geschlechter in Wales soll er blutsverwandt gewesen sein. Kräftige Schossen faßten Boden in Schweden, in Amerika, zuletzt in Steiermark und in Deutschland. Überall sind die Zweige abgestorben; in Großbritannien verdorrte der Stamm. Einzig bei uns hier im südlichen Österreich schoß ein letzter Ast in Saft: mein Vetter John Roger. Und diesen letzten Ast hat – England erwürgt! (Meyrink G.: Der Engel vom westlichen Fenster, S. 75).

Главный персонаж задумывается о своих предках, размышляет о своем генеалогическом древе, его род предстает как настоящее дерево с корнями, ветвями, способное цвести или погибнуть. В данной метаметафоре наблюдаются признаки концептуальной метафоры. В ней о геральдическом символе рода (генеалогическом древе) говорится так, как будто это живое растение: его род – дерево с корнем, ветками и ростками / *gewurzelt, Äste, Schosse*, которое может расти или погибнуть; сильные ростки укоренились / *kräftige Schosse faßten Boden*; ветки погибли / *die Zweige sind abgestorben*; ствол засох / *der Stamm verdorrte*; последняя ветка с налитыми плодами / *ein letzter Ast in Saft*.

Концептуальные отождествления – кузен = последний росток; генеалогическое дерево = живое растение – даны эксплицитно. В то же время метаметафора является операциональной, поскольку быстро и эксплицитно вводит код иносказания.

Таким образом, метаметафора представляет собой иерархическую структуру самостоятельных метафор, объединенных единой семантикой и целью. Метаметафора обеспечивает смысловую связность художественного дискурса, т. е. активно создает основные художественные образы, концепты и пространственно-временные структуры дискурса. Функция метаметафоры заключается в иносказательном представлении различных сторон объекта описания в художественном дискурсе. Отдельные самостоятельные метафоры в составе метаметафоры создают иерархический код, позволяющий адресату воспринимать объект описания как цельную систему; таким образом, достигается полное соответствие структуры метаметафоры и структуры значимых характеристик представленного ею объекта.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Коринь, С. Н. Метаметафора и пространство-время в немецкоязычном художественном дискурсе / С. Н. Коринь // Науковий Вісник Волинського національного університету імені Л. Українки. Філологічні науки. – 2012. – № 24 (249). – с. 69–73.
2. Коринь, С. Н. Метафора и ведущие концепты художественного текста / С. Н. Коринь // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2007. – № 782. – с. 103–106.
3. Кедров, К. А. Компьютер любви: Стихотворения и поэмы / К. А. Кедров. – М.: Москвская типография № 4 Госкомпечати СССР, 1990. – 175 с.
4. Ревзина, О. Г. Хронотоп в современном романе / О. Г. Ревзина // Художественный текст как динамическая система: материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию В. П. Григорьева / отв. ред. Н. А. Фатеева. – М.: Управление технологиями, 2006. – с. 265–279.
5. Билоус, Л. С. Текстоброзрающая роль метафоры: На материале американской научно-фантастической литературы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. С. Билоус. – СПб., 2001. – 186 с.
6. Виноградов, В. В. О языке Толстого / В. В. Виноградов // Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. – М.: Наука, 2003. – 394 с.
7. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1988. – 173 с.
8. Русова, И. А. Когнитивное исследование концептуальных метафор в «Сонетах» В. Шекспира и их переводах на русский язык : дис. канд. филол. наук : 10.02.20 / И. А. Русова. – Сургут, 2008. – 247 с.
9. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) / И. В. Арнольд. – [3-е изд.]. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
10. Рожков, В. В. Метафорическая художественная картина мира А. и Б. Стругацких: на материале романа «Трудно быть богом» : дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / В. В. Рожков. – Новосибирск, 2007. – 228 с.
11. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М.: Агар, 2000. – 280 с.
12. Sals, U. Die Biographie der „Hure Babylon“. Forschungen zum Alten Testament, 2. Reihe. – Heidelberg: Mohr Siebeck, 2004. – 571 S.
13. Воробйова, О. П. Метафори про метафору: дидактичний сценарій / О. П. Воробйова // Записки з романо-германської філології. – 2010. – № 25. – с. 76–83.
14. Нагнибіда, Л. С. Синтаксична реалізація метафор у мистецтвознавчих текстах / Л. С. Нагнибіда // Філологічні науки. Волинський нац. ун-т ім. Л. Українки. – Луцьк: ВНУ ім. Л. Українки, 2009. – с. 41–45.
15. Піхтовнікова, Л. С. Метаметафора: уточнення терміну та підходи до аналізу (на матеріалі україномовних та німецькомовних байок і притч) // Вісник філологічного факультету ХНУ імені В. Н. Каразіна. Серія «Філологія». – 2012. – Вип. 64, № 994. – с. 15–18.
16. Бровченко, И. В. Составляющие метафоры с позиций традиционной и когнитивной теорий / И. В. Бровченко // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2010. – № 897. – с. 54–59.
17. Турамурадова, И. И. Метаметафора и метафора-текст: разграничение понятий / И. И. Турамурадова // Молодой ученый. – 2010. – Том II, № 1–2 (13). – с. 104–105.

ІСТОЧНИКИ ІЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРІАЛА

1. Meyrink G. Der Engel vom westlichen Fenster / G. Meyrink. – Zürich : Diogenes Verlag, 1983. – 248 S.